

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ В МНОГОЯЗЫЧНОМ МИРЕ

Сборник научных трудов
VI международной российско-македонской конференции
(г. Пермь, 9–12 сентября 2014 г.)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ В МНОГОЯЗЫЧНОМ МИРЕ

Сборник научных трудов
VI международной российско-македонской конференции
(г. Пермь, 9–12 сентября 2014 г.)

Пермь 2016

УДК 811.116

ББК 81.2

С47

Славянские языки и культуры в много-
С47 **язычном мире: сб. науч. тр. VI междунар. рос.-**
македон. конф. (г. Пермь, 9–12 сент. 2014 г.) / отв.
ред. Н. В. Боронникова; Перм. гос. нац. исслед.
ун-т. – Пермь, 2016. – 264 с.

ISBN 978-5-7944-2790-5

Сборник научных трудов «Славянские языки и культуры в многоязычном мире» включает работы исследователей из России, Македонии и Украины по материалам докладов VI международной российско-македонской конференции, проходившей 9–12 сентября 2014 г. в Пермском государственном национальном исследовательском университете.

В сборнике представлены разделы, посвященные диалогу культур в славянском мире, актуальным проблемам изучения славянских языков и диалектов, многоязычию в синхронии и диахронии и сопоставительно-типологическому исследованию славянских языков, славянскому фольклору и художественному тексту как объекту исследования.

Издание адресовано специалистам-гуманитариям, занимающимся проблемами славистики.

УДК 811.16

ББК 81.2

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

ISBN 978-5-7944-2790-5

© ПГНИУ, 2016

СЛАВЯНСКИЙ ФОЛЬКЛОР И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.Ю. Королёва,
М.В. Курочкина,
А.С. Беломестнова⁴⁷

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь, Россия*

ТЕКСТЫ «НАИВНОЙ» ЛИТЕРАТУРЫ В СЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ (на материале Чердынского района)⁴⁸

Тип произведений, которому посвящена настоящая статья, долгое время являлся «маргинальным» по отношению и к традиционному фольклору, и к собственно литературе. Однако около двадцати лет назад в отечественной гуманитарной науке начала формироваться традиция исследования «наивной» словесности – письменных и устных текстов, авторами которых выступают непрофессиональные, самодельные рассказчики, писатели, поэты, обычно выходцы из народной среды (Козлова, Сандомирская, 1996; Неклюдов, 2001; Лурье, 2001; Лурье, 2007; До и после литературы, 2009). Посвященные этому своеобразному культурному феномену работы, как правило, строятся на сочетании различных подходов – лингвистического, социологического, литературоведческого, фольклористического и других.

Материалом нашей статьи послужило спонтанное художественное творчество самодельных авторов, в силу своего происхождения укорененных в сельской (крестьянской) культуре – Т.Я. Мовчан и И.С. Федосеева. Тексты их произведений были обнаружены в Чердынском районе Пермского края в 2010 г., в пос. Рябинино и пгт Ныроб, во время учебной фольклорной практики студентов филологического факультета ПГНИУ. Фиксация произведений «наивной» литературы не была самостоятельной задачей, она произошла попутно – в ходе беседы собирателей с сельскими жителями. Естественным контекстом, который помогает лучше понять содержание и назначение этих сочи-

---

⁴⁷ © Королева С.Ю., Курочкина М.В., Беломестнова А.С., 2016.

⁴⁸ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-59009а(р) («Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья»).

нений, оказываются наши полевые интервью (в одном случае непосредственно с автором, в другом – с его ближайшей родственницей).

Т.Я. Мовчан познакомила нас с пятью своими стихотворениями, четыре из которых посвящены деревне⁴⁹. И.С. Фадееву принадлежит очерк «Деревенька моя» и рассказ «Рыбацкая быль». Оригинальные тесты хранятся в рукописном виде, в тетрадях и блокнотах; по всей видимости, основными их читателями являются владельцы записей и, возможно, кто-то из их родственников. Авторов объединяет то обстоятельство, что они являются уроженцами малых деревень, ныне не существующих. Переезд с места рождения в другой населенный пункт стал важным стимулом к творчеству – можно сказать, перед нами «наивная» литература авторов-переселенцев, посвященная их родным деревням. Существенные различия заключаются в том, что в одном случае это женское творчество, для которого автором выбрана стихотворная форма, а в другом – мужское, воплотившееся в прозе. Нам показалось интересным рассмотреть, как именно в текстах двух авторов-переселенцев выстраивается образ деревни, и прежде всего малой родины.

Тамара Яковлевна Мовчан (в девичестве Дутлова) родилась в 1941 г. в д. Кушпелёва, примерно в 3-х км от пос. Рябиново; после окончания школы 5 лет была в колхозе телятницей; после замужества и переезда в Рябиново 40 лет работала на речном рейде, к моменту нашего знакомства была на пенсии. Верующая; часто посещает храм в г. Чердыни. Из 4-х стихотворений о деревне одно навеяно холодной зимой 2009 г. («*Зима холодная в две тысячи девятом, / Мороз доходит до сорока пяти <...> // Морозы жгучие стоят уже неделю, / Собака в будке от холода дрожит, / И, невольно, вспомнишь дурачка Емлю, / На русской печке в валенках сидит*»). В этом тексте особым образом сказывается религиозность автора (что сближает стихотворение с образцами «наивной» конфессиональной поэзии): холодная зима предстает как испытание для человеческого духа, и силы для преодоления он должен черпать в Боге: «*Зима суровая проверит нас на прочность / Кто летом спал, а кто дрова рубил. / Но мы перезимуем, знаю точно. / Господь поможет, чтобы нам хватило сил*». Описание уральской зимы включает своего рода мораль (близкую морали известной басни «Стрекоза и муравей»: *Кто летом спал, а кто дрова рубил*); подобная нравоучительность, вообще характерная для религиозно ориентированных текстов, присуща и «наивной» литературе.

---

⁴⁹ Пятое стихотворение было прочитано автором по памяти; оно носит поздравительный характер и потому не будет рассмотрено в данной статье.

Еще три стихотворных текста Т.Я. Мовчан посвящены ее малой родине – д. Кушпелёвой. Примечателен контекст, в котором Тамара Яковлевна посчитала нужным рассказать нам о своем творчестве. К тому времени авторы статьи уже год как были знакомы с нею, записали два больших информативных интервью (об истории деревни и семейной обрядности), однако не знали о ее поэтических опытах. Т.Я. Мовчан упомянула о своих стихотворениях только в третий визит, – когда речь зашла местной о топонимике: *«Щас я вам почитаю... вот сяду, да и думаю: как же у нас там эти поля называли? Вот... // Как в деревню хочется! / На часик, на минутку, / Пройти по бору нашему, / На полюшко взглянуть, / Пройти на пруд тропинкою, / Услышать голос речки, / Взглянуть в небо синее, / Кузнечика вспугнуть...»*⁵⁰. При чтении стихотворения Тамара Яковлевна специально обратила внимание на то место, где начался перечень названий: *«Вот это поля...»*:

Дойти до поля Свалина,
А там до Раззоридомки (*тут так наше место назы-
валось*),
Направо – тропка конная
Уходит прямо в лес <...>.
А там за Раззоридомкой
Налево пожня с травами.
Почему-то деды старые
Назвали Чернезя.
По полю Хомутово
Проедешь, улыбаясь.
И поворот к Изямельку
В Калининскую степь.

Стихотворение построено на приеме контраста. Во второй части выясняется, что все живые в памяти автора места заброшены, и список названий продолжают поля, которые зарастают лесом: *«Решили с Александром / Доехать до Калинины, / Объехать все поля. / И от картины этой / Сердце заболело. / Непахано, несеено, / Заросли густые, / Нескошена трава. / Веселуха, Савкино / Заброшены, зарощенны, / Калинины, Русанова / Уж нет давным-давно. / Дедами разработано, / А внуками запущенно. / Увидеть всё в рассвете / Нам уж не дано»*.

Как и большинство произведений «наивной» поэзии, стихотворение базируется на популярном литературном «прототексте»: автор ориентируется на поэму Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

---

⁵⁰ Здесь и далее стихотворения Т.Я. Мовчан, прочитанные ею в ходе беседы, приведены в соответствие с письменными текстами; орфография и пунктуация рукописного источника сохранены.

Ориентация проявляется в заимствовании метра и размера (трехстопный ямб с чередованием мужского и дактилического окончаний), преимущественном отсутствии рифмы, общей стилистике текста, крестьянской тематике. Возможно, на выбор образца повлиял тот факт, что начало классической поэмы включает перечисление названий нескольких деревень («*Заплатова, Дыряева, / Разутова, Знобишина, / Горелова, Неелова – / Неурожайка тож...*»); основная же творческая задача, решаемая в стихотворении Т.Я. Мовчан, – упоминание как можно большего количества мест и названий, связанных с малой родиной. Таким образом на основе некрасовского пролога к поэме создается текст мемориального характера, стихотворный памятник заброшенной деревне Кушпелёва.

О том, что перед нами сочинение непрофессионального автора, говорит не только его нескрываемая подражательность, но и некоторая литературная неумелость: нарушения поэтического размера («*И от картины этой / Сердце заболело*» – появляются женские окончания, не предусмотренные текстом-первоисточником), лексическая шероховатость формулировок («*Увидеть всё в рассвете / Нам уж не дано*»), отдельные грамматические ошибки (*зарощенны*). В некоторых случаях присутствует излишняя сентиментальность описаний, чрезмерное использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами («*На горочке на нашей / Понезжиться, погреться, / Послушать пенье птичек / За речкой на бору*»), – что, впрочем, соотносится со стилистикой оригинального некрасовского текста.

Закономерно может возникнуть вопрос, не графомания ли это. Провести границу между графоманией и так называемой «наивной» литературой иногда действительно сложно; тем не менее чисто теоретически различие это уже не раз формулировалось исследователями. Графоманское сочинение с точки зрения владения литературным языком (и шире: неким литературным каноном) безусловно, но при этом содержательно скучно, тривиально. В отличие от графомании, в «наивных» произведениях за неумелостью формы нередко проглядывает живое чувство, а само несовершенство языка, композиции и других составляющих литературного текста имеют иногда неожиданный эстетический эффект, пусть и не предусмотренный авторами. Произведения Т.Я. Мовчан отличаются эмоциональностью, искренне выраженным лирическим чувством, которое пробивается сквозь клишированность речевого строя: «*Зарыться в травы летние, / К земляшке прижаться, / Услышать голос родины, / Журчанье родника. / За радость за минутную / Полжизни отдаю*».

«Наивное» стихотворение «Как в деревню хочется» образует своеобразный поэтический диптих с другим текстом – «Деревня Кушпелёва». Здесь сохраняется та же стилистика и поэтический размер, но меняется творческая задача. Т.Я. Мовчан описывает будничную жизнь деревни, какой она ей помнится; образ оказывается высветленным памятью, идеализированным, создается вариант идиллического топоса:

...У каждого хозяина
Дерево посажено
Да огород с картошкой,
В ограде детвора.
Мы жили дружно, весело,
Месили грязь по улицам,
Частенько босоногие
Ждали все тепла.
В ожиданьи Пасхи
Строили качели,
На Троицу святую
Березка белоствольная
Стояла у окна.

Упоминание о пережитых трудностях (холоде, голоде, раннем общении к физическому труду) практически лишено драматизма; послевоенное детство описано в том же лирическом ключе. Ретроспективно автор видит в непростом опыте своего поколения определенное преимущество: *«Были мы здоровые, / Болели очень редко, / Пили от коровы / Парное молоко, / Хлебали редьку с квасом, / С младшими возились, / Со старшими работали – / Ходили на гумно»*. Собственное детство скрыто противопоставляется современному как физически более здоровое и нравственно более состоятельное; предпочтение, которое отдается прошлому, как и некоторый дидактизм авторской позиции – типичные черты «наивной» поэзии старшего поколения.

Третье стихотворение Т.Я. Мовчан посвящено часовне Успения Божьей Матери, которая стояла в д. Кушпелёвой. Оно возникло после того как Тамара Яковлевна навестила родные места в канун праздника Успение и не смогла найти никаких следов памятного строения:

Завтра храмовый праздник
У часовенки нашей.
Так сложилась судьба, что разъехались все.
Нет креста на часовне, иконы с востока,
Ведь часовенка наша погибла в огне. <...>
Я ходила, искала то место,
Где «Успенье» часовня была.

Только сердце болело, душа тосковала,
А место святое я найти не смогла.

Понять, почему эта часовня имела для автора особое значение, помогает интервью с Тамарой Яковлевной, которое состоялось в 2009 г. Многие ее воспоминания были посвящены родной деревне; в частности, тогда был записан вариант широко распространенного в севернорусской традиции предания о выборе места для нового поселения: *«Мама рассказывала по преданию дедов, как наша деревня возникла. Сначала был один домик только за речкой там, а потом пошли в Чердынь по тропинке, всё равно была тропка-то, и нашли вот эту икону. Они посмотрели, а это была Успенья Божьей матери. Они взяли иконку, кто самый старший, унесли домой. Через какое-то время снова кто-то пошёл и нашёл иконку на этом же месте. И они решили переселиться с бора на той стороне вот сюда, на это место. Они разрабатывали поля, построили часовню, и часовню назвали в честь иконы Успенья Божьей Матери»*. Часовня делила деревенскую улицу на два конца: на юг от нее поселились Дугловы, а на север – Ивановы. Отец Тамары Ивановны был дугловский, мама – ивановская⁵¹.

В семейном архиве Т.Я. Мовчан хранятся фотографии с изображением кушпелёвской часовни, которые она особенно бережет. Предание об основании деревни (на месте, которое «указала» икона) является частью ее семейной истории, поскольку в числе первых поселенцев был дедушка рассказчицы; на доме, который он поставил в новой деревне, был вырезана дата: 1902. В дальнейшем дед Тамары Яковлевны был деревенским старостой, по большим праздникам ездил в Чердынь за священником; часовня действовала долго, и наша собеседница хорошо ее помнит. Таким образом, интервью с Т.Я. Мовчан как с фольклорноносителем помогает понять значимость утраченной часовенки для нее как для автора стихотворения.

Обратимся к «мужскому» варианту «наивного» творчества. Иван Сидорович Федосеев – участник Великой Отечественной войны; после возвращения с фронта покинул родные места, жил в г. Шахты Ростовской области, умер в 2000-ом году. О нем мы узнали от сестры, Федосеевой Афанасии Леонидовны, 1930 г.р., жительницы Ныроба. У нее же хранится блокнот с его рукописными текстами: *«"Деревенька моя", от нечего делать я достаю, читаю её вот, да. Это "Рыбацкие были" он опять пишет. Вот это я всё помню, всё знала, да. <...> Ой, да я читаю, вот он про Медведицу тут. Я всех знала, людей всех знаю,*

---

⁵¹ О записях преданий, сделанных от Т.Я. Мовчан, в контексте исторического фольклора Чердынского района см. в статье: (Курочкина, 2012).

которые... да. <...> Вот и говорю снохе: “Отвези в Чердынь, пусть перепишут на память. Вам останется, внукам, правнукам”».

Произведения Ивана Сидоровича Федосеева написаны прозой. Одно из них – «Рыбацкая быль» (1997) – представляет собой небольшой рассказ, действие которого происходит в Поволжье, но, по-видимому, здесь в идеализированной форме отражается опыт деревенской жизни автора вообще. Также можно говорить об ориентации И.С. Федосеева на некоторые клише советской прозы о деревне 1950–70-х гг. Главные герои рассказа – жители «деревушки, не то чтобы большой, но и не маленькой, под названием Опалиха», дед Макар и бабка Маланья. Старики изображаются рачительными хозяевами, их взаимоотношения – несмотря на главенство жены – носят идеальный характер: «В хозяйстве у них была одна коровенка Дуняша, да немного кур. Они умело вели свое хозяйство, были во всем экономными. Дед Макар ловил рыбу удочками, считался заядлым удильщиком в деревне, а бабка Маланья умело управлялась в своем хозяйстве. У них был полный порядок, Соседи им даже завидовали: все у них спорилось, жили старики душа в душу, но бабка Маланья верховодила, и дед Макар покорно подчинялся ей»⁵².

Большую часть рассказа составляет подробное описание рыбалки: подготовка к ней, сам процесс рыбной ловли, богатый улов («красавец окунь-горбач весом около 1 кг», «разная рыба, окуни, плотва, ерши, да и другая мелкая рыбешка, попался и желтобрюхий карась»). Удачный день героя-рыбака заканчивается наваристой ухой, которую приготовила бабка Маланья, и «графинчиком вина» из погреба; к празднику соседей присоединяется «молодая, разгульная баба Грунья», которая играет им на гармошке. Примечателен возникающий в рассказе эффект «обманутого ожидания»: название произведения – «Рыбацкая быль» – ориентирует читателя на то, что в центре сюжета окажется интересный случай, произошедший на рыбалке. Описание рыбной ловли, однако, оказывается бессобытийным; кульминацией становится домашний праздник, на котором происходит «эмоциональное единение» (пусть временное) положительных героев с их «разгульной» соседкой. Вероятно, описанный эффект не является сознательным приемом, а сигнализирует о «наивной» природе текста: автор, ориентированный на описательность, «не замечает», что обещанного в заглавии события не происходит. «Быль» для него не конкретный случай, а один день из

---

⁵² Здесь и далее в цитатах из произведений И.С. Федосеева сохранена орфография и пунктуация рукописного источника.

жизни героев, насыщенный простыми радостями деревенской жизни. Доминирующие жанровые признаки рассказа дополняются ориентацией на сказку и очерк, а в самом конце – неожиданно и немотивированно – на письмо в газету (*«На этом я свой маленький рассказ и заканчиваю. Счастья и здоровья вам, дорогие труженики»*).

Тяга И.С. Федосеева к описательности полнее раскрывается в более объемном его произведении, жанр которого можно обозначить как художественно-документальный очерк. *«Деревенька моя»* (1996) повествует о родной деревне автора Медведице, располагавшейся почти в 100 км от Ныроба; очерк посвящается матери И.С. Федосеева (*«Это мама посвящаю тебе моя дорогая»*), что усиливает звучание темы памяти. Уже в зачине проявляется присутствие не только документального, но и субъективно-авторского начала: *«Среди дремучих лесов, на севере Пермской области, жила была, деревенька моя»*. Подобно рефрену, фраза эта затем варьируется в разных частях текста, «закольцовывая» начало и конец: *«Жизнь в маленькой деревеньке не затихала ни на минуту»*; *«Вот так и жила моя деревенька Медведица»*; *«Так исчезла с географической карты навсегда деревенька моя»*.

Очерк естественным образом распадается на две части, структурно не выделенные автором, но во многом различные по характеру изображенного пространства и времени, по использованной лексике. Первая половина посвящена жизни деревни до коллективизации, вторая – при колхозе. В первой части содержатся развернутые описания пейзажей, повторяющихся бытовых действий, движение времени циклично и подчинено смене времен года. Время второй половины очерка имеет линейную динамику; здесь происходят события, никогда ранее не случавшиеся: создание промартели, открытие деревенской школы, Великая Отечественная война и др.

Наиболее часто встречающийся авторский прием – предложение с обилием однородных членов, позволяющее дать исчерпывающее перечисление предметов или явлений: *«В своих уютных деревянных домиках жили прекрасные, трудолюбивые люди. Они селили рожь, овес, ячмень, коноплю, сажали картофель косили сено, заботливо ухаживали за своими буренками, хрюшками, овечками, в курятниках кудахтали куры и горланили петухи, работы хватало всем...»* Некоторые из описаний носят лирический характер, создают идиллический образ деревенского образа жизни: *«Вечером стоял в избах приятный запах варили и жарили грибы, ели с парным молоком ягоды, все были довольны, забывали об усталости»*; *«Дети катались с горы на санках и лыжах, придив домой, прямо из горшков ели простоквашу и молоко с душистым ржаным хлебом, да и луковица с солью была за милу душу»*;

«Собаки спали на сеновалах, уткнув свои морды в сено, а кошки дремали на полатах и печках». В отдельных случаях, однако, описания перегружены словами, создающими нарочитую «красивость» стиля (и выдающимися «наивное» письмо).

В тексте встречается немало интересных этнографических деталей, характеризующие быт маленькой уральской лесной деревни первой трети XX в.: *«Осень подошла работ не убавилось, убирали хлеб, копали картофель, резали брюкву и репу. Все собранное ссыпали в амбары, а картофель и репу закладывали в репные ямы, старались уберечь все уродившееся <...>».* Или: *«Мужики пристреливали и сверлили ружья, готовились по первому снежку выйти на охоту, на пушного зверя, заготавливали боеприпасы: порох, дробь, пистоны “капсулы”, да и боробую дичь рябчиков, глухарей, косачей, тоже припасали на зиму, это было основным добавком к столу, чинили лузаны, шили новую обувь “коты” с мехом внутри».* Подобные этнографические описания придают очерку документальный характер.

Фактографические сведения концентрируются и в списках географических названий и имен собственных: *«Луга имели свое название: Березняки, Грязнуха, Гамсино, Еремиха, Искорец, Пальничек, поля: Соловейко, Крутая Гора и т.д. Озера тоже имели своих хозяев: озеро Глухое, хозяин – Аристарх, искорец – Трофим, Свиблое – Гриша, черное – озеро было бесхозное, никто там не рыбачил. В деревне были фамилии Собянины, Пашины, Мисюревы, Рядькины. Мужиков звали Сема, Лева, Гриша, Сидор, Трофим, Варфалом, Тит, а их жен просто называли ласково: Семиха, Левиха, Сидориха, Трошиха, Зотиха, Федюниха, Игониха».* Списки чем-либо отличившихся односельчан приводятся и далее. Подробная фиксация имен и названий (как одна из задач, сознательно решаемых автором) усиливает мемориальную функцию текста.

Создание колхоза знаменует для деревни начало новой жизни. Часть описания, которая посвящена советским реалиям, востребует иную лексику и в стилевом отношении контрастирует с первой. Здесь присутствуют типичные для советского времени речевые клише, ощутимо влияние публицистики и канцелярского стиля (как известно, смешение разностилевых пластов, не являющиеся намеренным приемом, – одна из примет «наивного» письма). Если для первой части очерка характерно идиллическое звучание, то для второй – заострение социальной проблематики. В риторически-назидательной манере (характерной для «перестроечных» газет) автор критикует раскулачивание, которым сопровождалась коллективизация: *«...Добровольное вступление в колхозы, но так ли было в действительности? Не все*

шло гладко, на местах было искажение политики партии и правительства, началось раскулачивание, много ни в чем неповинных зажиточных крестьян были репрессированы и сосланы в ссылку в отдаленные районы страны. <...> Люди умирали от голода, как мухи. Лишены были всех прав, во главе поселка был комендант “надзиратель”: он что хотел, то и творил, пользовался неограниченной властью беззакония». В то же время И.С. Федосеев сочувственно описывает трудности, с которыми столкнулись первые колхозники, подробно описывает их достижения: «...бессменным членом правления был Григорий Еремеевич, труженик с большой буквы, который заботливо и умело ухаживал за лошадьми и молодняком, своими руками изготовлял сани, дуги <...>. Было тяжело выполнять план хлебозаготовок и продуктов животноводства, но это считалось законом, с этим колхоз справлялся успешно»; «Своими руками построили ток, магазин, склады, под горой построили конный и скотный двор, кузницу. В колхозе появились переделки производства...»

В некоторых случаях между двумя частями очерка возникает прямая переключка. Таково, к примеру, описание деревенских праздников до коллективизации и после нее: «Праздновали церковные праздники “Воздвижение христа господнего”, “Успенев день”, “Покров”, в праздниках участвовала вся деревня, столы ломились от <...> приготовленных кушаньях, пили вдоволь хмельное пиво “брагу”, ходили с гармошкой друг к другу в гости. Справляли свадьбы, женихи одаривали свою тещу конфетами и серебром». – «Как и ранее, отмечали всей деревней Советские праздники, только не церковные, а День Первое мая и “Октябрьской революции” к ним готовились заранее, варили пиво, жарили оладьи и блины, пекли шаньги, мяса тоже было на столах вдоволь». Иногда возникающие параллели имеют комический эффект, по-видимому, не предусмотренный автором: так, в первой части очерка «умудренные опытом седовласые старики» с наступлением весны «щупают своими руками землю», определяя ее готовность к севу, во второй части роль «умудренных сединой стариков» заключается в том, что они первыми запевают на деревенском празднике «Интернационал».

Наиболее напряженной и динамичной частью очерка является эпизод, повествующий о нападении на колхозное стадо большого медведя. Примечательно, что о своих встречах с этим лесным зверем подробно рассказала и сестра автора Афанасия Леонидовна; как и ее брат, она считает, что название деревни Медведица прямо связано с тем, что в их краях водится много медведей. Встречается в очерке и рассказ о деревенских розыгрышах. Грубый, даже жестокий юмор, шокирующий

с точки зрения официальной культуры, не вызывает осуждения автора, ситуация описывается, скорее, как комическая: *«Были в деревне весельчаки и балагуры, любившие подиутить, особенно доставалось от них Китку <...>. Однажды в его вершу, которую он поставил для ловли рыбы <...>, положили ему дохлых щенят, каково же было его негодование, он сильно матом ругался и проклинал <...>. На следующий день в его вершу положили несколько вяленых рыбин горбуши, но он об этом не возмущался и никому не сказал. Были и другие проделки, его угостили однажды вместо махорки сухим лосиным пометом “говнами”, тут уж он вышел из себя, употреблял слова мать, перемать».* Подобный тип комизма встречается и в произведениях других «наивных» авторов.

Родная деревня И.С. Федосеева начала пустеть после войны, как и многие удаленные от центров населенные пункты. Однако негодование автора вызывает не само по себе исчезновение Медведицы, а сопряженное с ним варварское разрушение деревенских дорог и строений: *«Дома из деревушки были отданы поселенцам, бывшим зэкам, которые надругались над деревней, все было превращено в безобразное состояние, трактора превратили дороги в сплошное месиво, а потом и сожгли все постройки и дома».* В последних строках описывается картина, прямо противоположная начальной идиллии, и высказывается несколько беспомощное (и по сути «безадресное») пожелание, чтоб «кто-то» вспомнил о деревне: *«Не стало слышно гомона людского, дети не играли в свои любимые игры, не горланили большие петухи, не мычали коровы, опустела деревенька, заросла крапивой, кто-то может быть еще придет и вспомнит, что здесь была деревня, жили и трудились люди».* Фактически памятником этой «деревеньке», призванным сохранить память о ней, и становится авторский очерк.

Итак, в современной сельской культуре бытует целый пласт особого рода текстов, которые относятся к «наивной» литературе. Одним из стимулов для их появления может послужить утрата малой родины (из-за переезда автора, исчезновения деревни). Проанализированные произведения, посвященные заброшенным деревням, воплощают не только индивидуальный жизненный опыт авторов, но и коллективное знание деревенской общины в целом; с этой целью вводятся подробные описания всеобщего уклада жизни, повторяющихся хозяйственных действий. Обилие бытовых деталей изображает цикличную размеренную жизнь сельчан, а также выдает ностальгию авторов о тех временах, когда жизнь деревни представлялась устойчивой и стабильной; прошлое изображается ими преимущественно в идиллическом ключе. В обоих случаях – в женских стихах и мужской прозе – подробно за-

фиксированы местные топонимы, перечисление которых, по-видимому, можно считать одной из характерных черт мемориальных «наивных» текстов, нацеленных на сохранение памяти; также могут перечисляться имена, названия местных животных, рыб и т.д. Количество читателей проанализированных произведений ограничивается узким кругом ближайших родственников, хотя автор и его окружение могут воспринимать (и воспринимают) воплощенные в этих произведениях сведения как имеющие ценность для более широкой аудитории.

Литература

До и после литературы. Тексты «наивной словесности» / Сост. А.П. Минаева. М.: РГГУ, 2009. 528 с.

Козлова Н.Н., Сandomирская И.И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М.: Рус. феноменолог. о-во, Гнозис, 1996. С. 7–87.

Куручкина М.В. Устные истории прикамских сел и деревень в системе локального и семейного фольклора (на материале современных записей) // Дергачевские чтения – 2011: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Междунар. науч. конф.: в 3-х тт. Т. 3 / Сост. А. В.Подчиненов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 111–120.

Лурье М.Л. О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты. Серия «Научные доклады». № 129. М.: Московск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 15–28.

Неклюдов С.Ю. От составителя <сборника> // «Наивная литература»: исследования и тексты. Серия «Научные доклады». № 129. М.: Московск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 4–14.

Svetlana Korolyova
Maria Kurochkina
Anastasia Belomestnova
Perm State University
Perm, Russia

THE TEXTS OF “NAIVE” LITERATURE IN RURAL CULTURE OF THE PERM PRIKAMYE

The special kind of texts exists in modern rural culture which can be included in "naive" literature. Works of two original authors-natives of the village are analyzed in this article. These texts are devoted to the lost small homeland – lonely villages of Northern Prikamye. Female poems and man's prose are similar because they embody not only individual life experience of authors, but also collective knowledge of a

rural community. For this reason detailed descriptions of typical tenor of life, the repeating household actions are entered into the texts. The past is represented in the idyllic way. Local toponymia are recorded in detail that is one of characteristic of the memorial "naive" texts aimed at memory preservation.

Keywords: Russians, rural culture, naive literature, collective memory, idyllic description.